

Николай Евгеньевич Копосов
**ФРАНЦУЗСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ и ФИНАНСИСТЫ
в СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
Французский ежегодник 1985
М.: Наука. 1987. С.139-155

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2013

Политические теоретики XVII в. называли финансы «нервами государства». Вероятно, никогда — ни до, ни после — финансовые вопросы не выдвигались в такой мере на первый план социально-политической борьбы, как в эпоху абсолютизма. Не случайно две крупнейшие буржуазные революции — английская и французская — начались именно с финансовых кризисов, поставивших правительства перед необходимостью обращаться к представительным учреждениям. Естественно поэтому, что для понимания политической системы абсолютизма важно изучить систему королевских финансов.

Исследование этих сюжетов применительно к Франции за последние два десятилетия вышло на качественно новый уровень. До конца 50—60-х годов внимание историков привлекали в основном институциональные аспекты, отдельные учреждения и налоги. Затрагивались и вопросы кредита, однако преимущественно в плане истории учреждений, а не социальных отношений, возникших в связи с государственным долгом. Все это не давало картины фиско-финансовой системы в целом.

В 60-е годы внимание исследователей стали все больше привлекать механизмы фискальной системы, и в первую очередь вопрос о финансистах и их месте в социально-политических структурах страны. А. Д. Люблинская одной из первых посвятила этой проблеме исполненные проницательных наблюдений страницы своей известной книги¹. Нет возможности хотя бы бегло охарактеризовать все работы, появившиеся в последние годы по истории финансов Старого порядка. Но, безусловно, наиболее значительный вклад внесен Даниелем Дессером. Результаты своих исследований он обобщил в 1983 г. в четырехтомной докторской диссертации «Финансисты в государстве, экономике и обществе Франции в 1653—1720 гг.», опубликованной в качестве монографии под названием «Деньги, власть и общество Великого века»². Опираясь на исследование финансовых механизмов, Дессер выдвигает целостную и оригинальную концепцию социальных основ французского абсолютизма. В этом плане его диссертация представляет собой, пожалуй, наиболее значительное сочинение

¹ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. М.; Л., 1965. Гл.: Финансисты и абсолютная монархия.

² Dessert D. Argent, pouvoir et société au Grand siècle. P., 1984. 824 p.

французской историографии после известной книги Р. Мунье «Продажность должностей при Генрихе IV и Людовике XIII», впервые опубликованной в 1945 г.³ Мунье подробно исследовал проблему чиновного дворянства как важнейшего элемента социальной структуры Старого порядка. В диссертации Дессера, напротив, вопреки всем традициям в качестве главного персонажа социально-политической истории XVII в. выступает слой придворной аристократии. Но попытаемся воспроизвести рассуждения Дессера.

Дессер работает в ключе концептуальной, синтетической истории. Вместе с тем даже на фоне французской академической среды, архивоведческая квалификация и эрудиция которой хорошо известны, он выделяется исключительным знанием архивных фондов (в первую очередь — финансового совета и парижских нотариусов), и его скрупулезный анализ этих источников, видимо, надолго останется образцом.

Естественно, однако, что одному ученому не под силу с исчерпывающей полнотой по источникам изучить все вопросы, встающие при создании широкой концепции социальной природы абсолютизма. Опереться же на чужие исследования Дессер мог не всегда: многие авторы ограничиваются, если можно так выразиться, описательной социологией прошлого, обобщением лежащего на поверхности материала источников. Напротив, стремление «прорваться» через реальность источников, добраться до пласта исторической реальности составляет интеллектуальный пафос работы Дессера. Однако при этом многие проблемы ему приходилось решать скорее гипотетически, и степень аргументированности разных пунктов его концепции весьма различна.

Дессер начал свои рассуждения с анализа монетного фонда Франции⁴. Несмотря на растущее использование в финансах XVII в. векселей и билетов казначейства, в основе денежной системы лежала металлическая монета. Между тем общество Старого порядка характеризовалось относительным «монетным недоеданием». Не было ли несоответствия между потребностями фиска и наличным монетным фондом страны? Крайне трудно исчислить этот фонд. Дессер опирается на данные о массе ценных металлов, прошедших через монетные дворы Франции во время перечеканок монеты 1683, 1693, 1697 и 1715 гг. (соответственно 500, 548, 489 и 474 млн ливров), совпадающие с некоторыми оценками компетентных современников. Разумеется, значительная тезаурация несколько увеличивала запас ценных металлов королевства, но определить ее размеры нет никакой возможности. В среднем получается, что на каждого француза приходилось по 7—9 эю, т. е. монет, равных трем счетным ливрам, однако при учете колоссального неравенства в их распределении (Мазарини,

например, принадлежало 1,7% золотого запаса королевства — 8,7 млн ливров наличными) очевидно, что большинство населения страны обходилось в повседневной жизни «презренным биллоном» (мелкой медной монетой). Итак, все фонды, которые интересовали фиск, находились в руках немногих избранных. Между тем расходная часть бюджета во второй половине правления Людовика XIV практически не опускалась ниже трети общей монетной массы, иногда угрожая поглотить ее целиком (в 1697 г. было перечеканено монеты на 489 млн ливров, а в 1699 г. государство выплатило 431 млн). Откуда же брались деньги? Не у немногих ли их владельцев?

Другой предпосылкой построения Дессера является его анализ механизма сбора налогов и других доходов короны⁵. При кажущемся разнообразии методов (сбор через королевских чиновников, через аппарат провинциальных штатов, сдача на откуп, займы у финансистов) в основе механизма лежал единый процесс — авансирование казне финансистами ценных металлов под залог сбора налогов или на иных условиях. Не было ни одной статьи государственных доходов, где бы дело обходилось без кредита финансистов. Однако располагали ли они для этого необходимыми средствами? Общеизвестно, что они брали в долг и что на всем их поведении сказывалось стремление внушить доверие к своей платежеспособности, без чего была немыслима их профессия. Но у кого они занимали? Не у тех ли избранных обладателей ценных металлов?

Здесь Дессер обращается к изучению мира финансистов⁶. Это, безусловно, самая фундаментальная часть его работы. Им проведен генеалогический и просопографический анализ группы из 534 человек, занимавших в 1653—1720 гг. ключевые посты в финансовой администрации или активно участвовавших в откупах. Если, по примерной оценке Дессера, во Франции Людовика XIV было не более 3 тыс. финансистов, то в анкете представлена их наиболее богатая и активная часть. Из них 85% имели должности (обычно финансовые), а 79% юридически принадлежали к дворянству. Менее 10% финансистов начинали как купцы, менее 25% происходили из купеческих семей. Если некоторые из них и побывали «в услужении», то у весьма высокопоставленных особ (Кольбер тоже был управляющим Мазарини). Поэтому распространенное в XVII в. представление о финансистах, выдвинувшихся из лакеев, следует считать мифом. Впрочем, «лакей-финансист» и не мог быть социальной реальностью. Занятия финансами требовали основательного юридического образования и профессиональной подготовки, начального капитала и связей, необходимых для деловой поддержки и кредита. Типичными в XVII в. были не стремительные индивидуальные карьеры, а поэтапное от поколения к поколению возвышение семей.

³ Mousnier R. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. 2e éd. P., 1971.

⁴ Dessert D. Op. cit. P. 27—41, 172—189.

⁵ Ibid. P. 42—66.

⁶ Ibid. P. 67—109.

Чиновная, обычно дворянская, тесно связанная деловыми и родственными узами, группа финансистов являлась составной частью элиты старого порядка и была неблагоприятной для парвеню средней. Откуда же миф о «лакее-финансисте»? По мнению Дессера, он был специально создан для того, чтобы направить течение общественного мнения против вымышленного персонажа и тем самым отвести его от реального социального слоя, слишком близко стоявшего к «высшему обществу».

А каково было материальное положение финансистов? Соответствовали ли действительности представления о «золотых тельцах» из финансового ведомства? Здесь приходится сначала разрешить принципиальную источниковедческую проблему — возможно ли вообще сколько-нибудь точно исчислить состояния людей XVII в.⁷ Дессер иронизирует по поводу привычки на основании посмертных описей имущества приводить (в качестве примера) подсчеты миллионных состояний с точностью до ливра — если не до су или денье. Нотариальные акты порой обманчивы. Даже сравнительно более достоверные брачные контракты иногда фальсифицировались — ради обеспечения кредита указывался завышенный размер приданого. Инвентари же и разделы часто отражают состояния через много лет после ухода от дел. А за это время структура состояния могла значительно измениться. Эти документы не обязательно включают описи всего имущества: некоторые части наследства могли быть поделены в порядке частной договоренности без отложения черновиков («минут») в нотариальном архиве. Главное же — в неудовлетворительном состоянии инвентарей долговых обязательств. Тайна ведения дел требовала сокрытия некоторых документов, часто весьма существенных. Поэтому в основу анализа состояний финансистов Дессер положил наряду с брачными контрактами декларации финансистов об их имуществе, сделанные Палате правосудия 1716 г. Перед лицом следствия заявления должны были быть если не вполне искренними, то по крайней мере ответственными. К тому же опасность неполноты охвата состояния и искажения его структуры здесь отпадает. А многие заявления финансистов можно хотя бы частично проверить с помощью нотариальных актов. Такую работу Дессер проделал для 87 случаев.

При весьма значительном разбросе состояний в целом вырисовывается довольно ясная картина: только в 23% случаев состояния не достигали 500 тыс. ливров, в 35% — составляли от 0,5 до 1 млн, в 24% — между 1 и 2 млн, в остальных случаях превышали 2 млн. В большинстве состояний главная доля приходилась на «портфель» (активные долговые обязательства), а недвижимость и должности обычно не превышали четверти. Из этого Дессер заключает, что финансисты отнюдь не были так сказочно богаты, как предполагало общественное мнение. Фантастические состояния Самюэля Бернара или Антуана Кроза

(33,6 и 20 млн ливров) были редчайшими исключениями. Обычно же размер состояний высшей знати и чиновничества был равен размеру состояний финансистов, а размер состояний герцогов и пэров их явно превосходил. При этом из-за нестабильности «портфеля»⁸ даже при равном номинальном размере состояния финансисты на деле оказывались намного беднее грандов, главную часть имущества которых составляли земли. Следовательно, умеренно богатые финансисты не могли самостоятельно обеспечивать потребности монархии в ценных металлах и неизбежно должны были обращаться к более богатым сеньорам⁹, ибо ни к народу, ни к купечеству обращаться не было смысла. Народ был не причастен к циркуляции ценных металлов, купечество же если и имело их, то обычно в виде иностранной монеты, необходимой для международной торговли, но непригодной для уплаты налогов¹⁰. Может быть, главным кредитором монархии были банкиры? Так считал наиболее серьезный из предшественников Дессера в изучении кредита Г. Люти¹¹. Он предполагал, что происходило «бегство» гугенотских капиталов за границу, особенно в Женеву, после отмены в 1685 г. Нантского эдикта и включение их в систему международного протестантского банка. К этому же времени он относит начало активного финансирования ими Людовика XIV через посредство С. Бернара. Дессер сомневается вообще в возможности массового, тем более нелегального, вывоза тяжелой металлической монеты. Кроме того, данные о перечеканках свидетельствуют о некотором сокращении монетной массы только после 1693 г., вероятно, не столько в результате бегства гугенотов, сколько из-за экономического кризиса и усилившейся тезаурации. Главное же в том, что банковские операции того времени состояли не в авансировании ценных металлов, а в технической помощи по переводу средств из одной точки страны в другую, что стало особенно актуально в связи с расширением театра военных действий в годы войны за испанское наследство. Если же иногда банкиры, например Хоггеры, поставляли на монетные дворы Лиона ценные металлы, то в незначительном количестве по сравнению с займами у финансистов (в 1694—1698 гг. 10 млн по сравнению с 183 млн по займам). Сочетание банковской и финансовой деятельности, бросающееся в глаза при изучении отдельных ярких личностей типа Бартеlemi Эрвара или С. Бернара, при массовом характере анкеты оказывается редчайшим исключением¹².

⁸ Из 534 финансистов 98 (18%) закончили жизнь банкротством, причем это минимальные данные, ибо биографии некоторых изучаемых Дессером персонажей недостаточно известны.

⁹ Dessert D. Op. cit. P. 119—152.

¹⁰ Ibid. P. 202.

¹¹ Lüthy H. La banque protestante en France de la révocation de l'édit de Nantes à la Révolution. P., 1959—61. T. 1—2.

¹² Dessert D. Op. cit. P. 191—202. Отметим, что Дессер убедительно подтвердил предположение, что в XVII в. иностранцы были вытеснены во Франции из сферы государственных финансов.

Следовательно, предполагает Дессер, главным источником кредита была «высшая аристократия шпаги, робы и церкви»¹³. Это идет вразрез с традиционными представлениями. Даже в недавнем основательном исследовании о герцогах и парах Ж.-П. Лабатют подчеркивал, что богатство для знати было только средством поддержания социального престижа и что ценились только «благородные» источники дохода, т. е. земли¹⁴. Правда, для XVIII в. известно повышение роли «деловых» кругов дворянства в экономике страны¹⁵. Но никогда не было и речи о том, что придворная знать могла быть подлинным хозяином финансовой «игры» и ею же публично осуждаемых откупщиков. Но Дессер приводит многочисленные доказательства тайного, а порой и явного участия грандов в финансовых аферах.

Уже структура состояния Мазарини (60% активных долговых обязательств и прав на коронные доходы, 25% недвижимости) не оставляет сомнения в происхождении этого крупнейшего частного состояния дореволюционной Франции¹⁶. Однако вокруг Мазарини сложилась целая «команда» финансистов во главе с Кольбером, пришедшая к власти после смерти кардинала и расправившаяся с конкурентной группой Фуке с помощью Палаты правосудия 1661 г. Страницы о «лобби Кольбера» и процессе Фуке принадлежат к лучшим достижениям Дессера. Даже если министерская деятельность Кольбера односторонне рассматривается им как исключительно своекорыстная политика финансиста, тайне практиковавшего те же методы обогащения, которые он лицемерно осуждал у Фуке, все же факт существования вокруг генерального контролера тесно спаянной финансово-бюрократической группировки не вызывает сомнений. Важно также и очевидное стремление организаторов процесса Фуке скрыть истину об управлении королевскими финансами и возложить всю вину за злоупотребления на поверженного сюринтенданта. Заявления Фуке о массовом участии правящих кругов в финансовых махинациях представляются Дессеру свидетельством чрезвычайной важности¹⁷.

Документальные же доказательства здесь получить очень трудно. Этика высшей знати и чиновничества не допускала их участия в финансах. К тому же, оказавшись народ в курсе финансовых афер грандов, они стали бы вместо финансистов главной мишенью социального недовольства. Поэтому, полагает Дессер, был не только создан «социальный громоотвод» в виде мифа о «лакее-финансисте», но и разработана сложная система конспирирования участия грандов в делах финансистов. Известно, что среди финансистов была широко распространена практика сокрытия

реальных участников сделок за подставными лицами, «соломенными людьми». Аналогичный прием был использован и грандами, так что финансисты, сами прикрытые подставными лицами, в свою очередь оказывались чем-то вроде «соломенных людей» аристократов¹⁸.

В отношениях между грандами и финансистами действовал режим частной сделки. Вероятно, знать участвовала в финансовых операциях в качестве откупщиков второй руки, не фигурируя в официальных документах не только в качестве формальных глав откупов, но и в качестве поручителей, т. е. их реальных участников. Однако списки подобных компаний до нас не дошли. Лишь один документ такого рода был обнаружен Дессером в составе инвентаря финансиста Тома Бонно. Речь идет о списке 52 заимодавцев генеральных откупщиков габели за 1655–1663 гг. Бонно, Обера и Шатлена. Из них 12 человек принадлежали к дворянству шпаги, 18 — к чиновничеству, остальные же были финансистами, парижскими буржуа и т. д. При этом доли дворян и чиновников были обычно выше средней¹⁹. Но даже и такое участие грандов вызывало общественное порицание, и многие из них предпочитали давать частные займы финансистам из обычных 5%. Довольно многочисленные примеры таких займов вместе с указанным списком заимодавцев Бонно и его коллег не оставляют, по мнению Дессера, сомнений в том, кто был главным кредитором правительства.

Но это было отнюдь не единственной формой финансовой активности грандов. Редко, но бывало, что они через подставных лиц приобретали должности сборщиков налогов. Многие военачальники авансировали на военные нужды личные средства, т. е. предоставляли заем правительству. Аристократы и чиновники в большом количестве были среди ангажистов королевского дома или владели правами на сбор тех или иных налогов, особенно косвенных (эд), легко поддающихся отчуждению мелкими порциями. Дессером составлен впечатляющий список нескольких десятков представителей лучших фамилий королевства, имевших разнообразные права на коронные доходы²⁰. Часто гранды участвовали в торговле должностями и рентами; получая их по низкой цене или даже бесплатно оптом, они обогащались продажей их в розницу по рыночным ценам. В этих случаях их деловыми агентами выступали профессиональные финансисты. Наконец, подавая проекты о введении новых налогов или протестируя откупщикам, гранды получали либо проценты от налогов, либо единовременные подношения. Итак, финансовая эксплуатация знатью государства была разносторонней и активной²¹.

Подобно миру финансистов, мир аристократов-заимодавцев

¹³ Dessert D. Op. cit. P. 413, 341.

¹⁴ Labatut J.-P. Les ducs et pairs de France au XVIIe siècle. P., 1972. P. 245.

¹⁵ Richard G. Noblesse d'affaires au XVIIIe siècle. P., 1974.

¹⁶ Dessert D. Op. cit. P. 282.

¹⁷ Ibid. P. 279–310, 325–340.

¹⁸ Ibid. P. 76–77.

¹⁹ Ibid. P. 359.

²⁰ Ibid. P. 369–375.

²¹ Ibid. P. 341–378.

был тесно связан деловыми и родственными узами. Это была стабильная и могущественная социальная группа. Дессер перечисляет среди кредиторов монархии принцев крови Конде и Конти, герцогиню Монпансье (дочь Гастона Орлеанского), герцогов Рогана и Сюлли, министров Ришелье, Мазарини, Фуке, Лионна, Сервьена, Летелье, Кольбера, Понтшартрена, Демаре, маршалов Ламейре, Тюренна, Виллара, Вильруа, Креки, д'Альбре, Катина, Матиньона, знатных вдов герцогиню д'Эгийон и маршалшу д'Эффия, президентов парламента Ламуаньона и Новьона и др. За импозантным фасадом Версаля монархия, внешне «одомашнившая» старую мятежную аристократию, на деле оказалась ее пленницей, опутанная сетями финансовых обязательств²². Единственным выходом для нее могла бы стать замена металлической монеты бумажными деньгами, что дало бы возможность вырваться из плена ценных металлов и их владельцев и опереться на буржуазию и ее богатства. Но реформа Лоу, которого Дессер характеризует как человека, глубже всех проникшего в суть финансовых механизмов Старого порядка, в социальном плане была обречена на провал, ибо не под силу было одинокому реформатору сломить сопротивление элит²³. Пленница аристократии, монархия была осуждена разделить ее участь.

Такова основная логика рассуждений Дессера. Много в его исследовании представляется правильным, как, например, анализ роли кредита при взимании всех видов налогов или уточнение «социальных параметров» мира финансистов. Важен вывод о глубоко национальном характере последнего при Людовике XIV, равно как и пересмотр точки зрения Люти об исключительной роли протестантского банка в кредитовании монархии. Не вызывает сомнений и существование тесной связи финансистов с высшим обществом и правительством. Чрезвычайный интерес представляет продолженное Дессером вслед за К.-Ф. Леви²⁴ исследование политико-финансовых «лобби», объединявших представителей всех фракций элиты — дворянства, духовенства, чиновничества и финансистов. Анализ участия грандов в финансовых аферах существенно дополняет быстро меняющиеся в последние годы представления о эволюции французского дворянства, его приспособлении в XVII в. к социально-политическим условиям эпохи абсолютизма и помогает объяснить причины сохранения аристократией господствующего положения в обществе. Но в некоторых пунктах аргументация Дессера не убеждает, и его главный вывод о безраздельном господстве знати в королевских финансах вызывает сомнение.

Перечеканки монеты и деятельность монетных дворов — вообще, малоизученная тема. В какой степени перечеканки охватыва-

ли существующую монетную массу? Насколько значительна была циркуляция старых монет? Иностраннных монет? Какова была те-заурация? Дессер отмечает, что данные о перечеканках монет, безусловно, занижают монетную массу, но насколько, может быть, в 2—3 раза?²⁵ Неясна и ситуация с объемом поглощаемых казной ценных металлов. То, что проходило через фиск, изымалось из обращения ненадолго (деньги не залеживались) и не одновременно. Каждая монета могла проделывать за год несколько «кругов» по финансовой сфере. Не все выплаты обязательно производились наличными. Тайные расходы по личному распоряжению короля, которыми покрывали скидки по откупам, безусловно, не отражали реальных перемещений монеты. А они в критические периоды достигали половины расходной части бюджета²⁶. Следовательно, драматизм поглощения фиском чуть ли не всех ценных металлов королевства сильно преувеличен Дессером. Бесспорно, бюджет и в период правления Мазарини, и во вторую половину царствования Людовика XIV был перенапряжен. Проблематично другое — именно ли «монетный голод» был главным элементом кризиса? Острым дефицитом ценных металлов Дессер объясняет исключительную роль их привилегированных владельцев в финансовой жизни. Однако не навеяны ли эти рассуждения в большей степени «монетаристскими» идеями экономистов и политиков «великого века», нежели точным учетом его экономических реалий?

Судя по купеческим инвентарям, состояния буржуа нередко включали сотни и даже тысячи золотых и серебряных монет²⁷. Конечно, у грандов их было больше, но надо принять в соображение сравнительную численность этих групп. Дессер не пытается определить пропорции распределения ценных металлов между различными социальными слоями. Для таких подсчетов нет достаточных оснований, но очевидно, что сравнение индивидуальных состояний не решает вопроса. Не учитывает Дессер и того, что на низших звеньях финансовой системы могли постепенно накапливаться большие массы звонкой монеты. После, бесспорно, важного наблюдения о роли кредита в процессе сбора налогов Дессер не возвращается в своих рассуждениях к фискальной системе. Структуры кредита оторваны у него от фискальных структур (и тем самым — от всего экономического механизма страны). Между тем было бы в высшей степени поучительно выяснить, как складывались монетные проблемы на уровне

²⁵ Ср. разнообразные оценки современниками монетного фонда Франции и ориентировочные подсчеты Ф. Спунера, дающие для начала XVIII в. цифру приблизительно 1 млрд ливров: *Spooner F. C. The international economy and monetary movements in France, 1493—1725. Cambridge (Mass.), 1972. P. 309.*

²⁶ *Bonney R. The king's debts: finance and politics in France, 1589—1661. Oxford, 1981. P. 308—309.*

²⁷ *Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. P., 1960. T. 1. P. 328.*

²² *Ibid. P. 416.*

²³ *Ibid. P. 420—424.*

²⁴ *Lévy C.-F. Capitalistes et pouvoir au siècle des Lumières. P., 1969—1980. T. 1—3.*

не первичных податных округов. Там, безусловно, должны были существовать возможности обмена биллона на золотую и серебряную монету. Ведь очевидно, что медная монета не оседала в кошельках влиятельных кредиторов монархии. Конечно, в периоды кризисов эти способы аккумуляции монеты оказывались недостаточными. Приходилось брать займы, даже пускать в переплавку серебряную посуду. Но надо ли видеть в этом именно монетный аспект, а не более широкую проблему нехватки ординарных доходов?

В единой экономической системе сферы медной, серебряной и золотой монеты не могли существовать изолированно. Конечно, были трудности при переходе из одной сферы в другую, и эти трудности достойны специального изучения. Но не стоит их и преувеличивать. У Дессера получается парадокс: ценные металлы, циркулируя в замкнутом кругу, обогащают их владельцев без увеличения общей монетной массы. По-видимому, правильное перенести вопрос в плоскость счетного ливра. Неправоммерно ограничивать круг интересов казну богатства только ценными металлами, даже если именно так дело представлялось правительству.

Если в отношении ценных металлов нет доказательств, что их главная часть находилась в руках знати, то этого подавно нельзя сказать о национальном богатстве в целом. Накануне революции дворянство владело менее чем половиной и (по разным провинциям от 9 до 44%) общего земельного фонда²⁸, а именно в сфере землевладения оно было наиболее сильно. Конечно, неверна упрощенная оценка дворянства как разорившегося и паразитического класса. Как и среди представителей других сословий, среди дворян «выживали» (в социальном, но часто и в биологическом смысле) те, кто умел приспособиться к новым условиям. Дворянство Старого порядка в демографическом и социальном отношении глубоко обновилось по сравнению с дворянством позднего средневековья и даже XVI в.²⁹ И все же оно постепенно уступало позиции в экономической сфере буржуазии, хотя та была далеко не похожа на «классическую» буржуазию XIX в. Характерно, что на протяжении всего XVII в. шел процесс переориентации налоговой системы на буржуазное хозяйство, в первую очередь торговлю. Эти общие соображения хорошо известны. Дессер не касается их, ибо для него проблема сводится к монетному аспекту. При более же широком подходе необходимо учитывать эту общую экономическую эволюцию страны.

Насколько правильно утверждение Дессера, будто финансисты не были достаточно богаты, чтобы своими средствами субсидировать казну? Для точных подсчетов нет достаточных оснований,

но можно ориентировочно представить себе совокупное богатство финансистов. Каждый из них располагал как минимум несколькими сотнями тысяч ливров. Главная их часть являлась активным состоянием («портфелем»). Помимо изученных Дессером представителей финансовой элиты, в стране было несколько тысяч менее значительных финансистов, входивших не в национальную, а провинциальную элиту, состояния членов которой нередко выражались шестизначными числами. Даже если учесть, что все эти состояния функционировали не одновременно, все же на каждый момент финансисты располагали не менее чем сотней миллионов ливров, а возможно, двумя-тремя сотнями³⁰. Можно полагать, что даже в периоды перенапряжения бюджета совокупное активное богатство финансистов, тоже, видимо, возраставшее в этих условиях в силу открывавшихся возможностей, покрывало значительную часть государственных расходов. К тому же для займов правительству финансисты использовали средства, собираемые ими в качестве налогов. Хорошо известно, что, являясь одновременно финансовыми чиновниками, они задерживали сдачу налогов в казну, чтобы успеть пустить в оборот в виде краткосрочного займа государственные деньги, — и Дессер неоднократно отмечает это.

Дессер не пытается сопоставить общую сумму займов Бонно, Обера и Шатлена, указанную в документе, о котором шла речь, с совокупным капиталом генеральных откупщиков габели. Возможно, такое сопоставление позволило бы точнее представить значение кредита в деятельности финансистов. Однако составленная Дессером таблица, в которой отражены размеры и структура состояний 87 финансистов 1716 г.³¹, позволяет оценить эту роль. Их совокупное имущество достигало 200 млн ливров, из которых 142 млн (71%) составлял «портфель». Эти 200 млн были обременены 90 млн долговых обязательств. Следовательно, в среднем 63% «портфеля» каждого финансиста было взято в долг³². Если, отпрываясь от списка заимодавцев Бонно и его компаньонов, предположить, что две трети капитала были взяты в долг у дворянства и чиновничества, то их долю в совокупном «портфеле» финансистов можно оценить примерно в 40%. Заметим, что цифры, которые приводит Дессер, отражают состояние крупнейших

³⁰ Если суммировать приведенные Дессером данные об имуществе 87 финансистов 1716 г., то их совокупное богатство после вычета долгов составит 110 млн ливров, из которых 52 млн приходилось на активные долговые обязательства.

³¹ Dessert D. Op. cit. P. 136–143.

³² Некоторые долги носили, безусловно, частный характер. Каждое крупное состояние в XVII в. было обременено как минимум несколькими десятками тысяч долгов. Часть «портфеля», конечно, также составляли частные долги и государственные ренты, однако Дессер не оговаривает, какую именно часть. Надо думать, что не очень значительную, ибо участие в финансовых аферах, открытое для финансистов, было более прибыльным делом. Возможно, эти два фактора хотя бы частично уравновешивали друг друга.

²⁸ Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978. С. 226.

²⁹ Пименова Л. А. Дворянство Франции ко времени французской революции // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1982. № 4. С. 50–61.

финансистов, входивших в национальную элиту. На локальном уровне финансисты должны были шире прибегать к займам у купечества и среднего чиновничества. Следовательно, предположение Дессера об «аристократии шпаги, робы и церкви» как главном источнике финансирования государства вызывает сомнение. Еще раз подчеркнем, что изучение «локального кадра» функционирования фискальных механизмов могло бы пролить новый свет на проблему в целом.

Непросто обстоит дело и с примерами финансовой активности грандов. Хотя тайна, окутывавшая королевские финансы, делает невозможным более полное исследование этого вопроса, чем то, которое проведено Дессером, все же нельзя забывать, что собранные им примеры изолированы. Их толкование во многом зависит от того, как оценить вероятность масштабности данного явления. Далее, пассивное участие грандов в финансовой эксплуатации государства не было формой кредита (это отмечает и Дессер). Ангажирование домена было очень традиционным делом, и вопрос здесь можно решить, только изучив в целом эту практику. Следует отличать отчуждение королевских доходов в пользу того или иного сеньора и откуп их финансистом. Сюлли собирал эд с Анришемона, а герцогиня Монпансье — с княжества Домб, но ведь эти владения считались суверенными княжествами. Поэтому в данном случае надо говорить о сохранении знатью политических привилегий. А на каких условиях знати жаловались аналогичные права в пределах французского королевства? Дессер специально не рассматривает этого вопроса. Что дает основание видеть здесь форму кредита, а не более знакомую картину «подкармливания» грандов, даже если оно иногда принимало форму кредита? Аналогична и ситуация с некоторыми государственными бумагами. Дессер приводит пример с билетами казначейства, оцененными в наследстве Абея Сервьена в 1,2 млн, но приобретенными им в свое время за 50 тыс.³³ Отношения кредита в данном примере чисто формальные. И то обстоятельство, что в мирные периоды государство не без успеха выкупало домен и отчужденные налоги, тоже не укладывается в картину всевластия знати. Предоставление грандам права продажи должностей — это традиционная форма их субсидирования короной, и беглый очерк об этом Дессера не дает оснований для иного взгляда. Что касается авансов полководцев на военные нужды, то Дессер специально не рассматривает этот вопрос, и ничто не мешает увидеть здесь в первую очередь традиционное смешение личного и служебного статусов.

Итак, приводимые Дессером факты без дополнительного их обоснования не убеждают. Они, безусловно, свидетельствуют об активном участии отдельных представителей знати в финансовой эксплуатации государства и даже в отношениях кредита. Нет сомнений и в том, что связи аристократов с финансистами были

тесными, — в этом плане важны наблюдения Дессера о роли финансистов в управлении имуществом грандов. Но в широком социальном плане гипотеза о господстве знати в сфере кредита не находит полного подтверждения. Более естественным кажется видеть в этих фактах примеры «одомашнивания» знати монархией (хотя бы и протекавшего при более активном отношении к этому самой знати, чем это представлялось ранее), равно как и злоупотребления властью имущих своим «служебным положением» и политическим весом (не забудем, что среди называемых Дессером имен решительно преобладают видные государственные и военные деятели или их родственники). В кредитовании государства, по-видимому, главную роль играли все-таки финансисты.

Особо надо сказать о займах финансистов у знати и чиновничества. Представители высшего общества XVII в. очень активно давали и брали в долг. Достаточно самого беглого взгляда на их инвентари, чтобы убедиться, что в этой среде всякий бывал одновременно должником и займодавцем. Чем тогда принципиально отличался, например, заем, предоставляемый президенту парламента для приобретения должности, от займа финансисту для кредитования государства, если проценты в обоих случаях одинаковы? Обычно такие займы давались близким или хотя бы знакомым людям. Нарушали ли эту структуру отношения государственного кредита? Или же займы финансистов у грандов и чиновников — простое свидетельство о сближении их семей? И какова специфическая функция и удельный вес займов финансистам в состояниях аристократов? Неразрешенность этих вопросов делает выводы Дессера недостаточно убедительными.

Не учитывает Дессер и того факта, что на протяжении XVII—XVIII вв. происходило очевидное «вызревание» среды финансистов. Если, по данным Дессера, среднее состояние наиболее богатой прослойки финансистов — генеральных откупщиков — приблизилось к 1,5 млн, то во второй половине XVIII в., судя по подсчетам И. Дюрана, оно практически удвоилось³⁴. Генеральные откупщики, по Дюрану, занимали в эпоху Просвещения гораздо более устойчивое положение в обществе, чем финансисты Дессера на закате правления Короля-Солнце и, тем более, чем их предшественники при Ришелье и Мазарини. Это плохо вяжется со скромной ролью «соломенных людей» грандов. Напротив, это подчеркивает силу и самостоятельность финансистов.

Не является единственно возможным и предложенное Дессером объяснение происхождения мифа о «лакее-финансисте». Может быть, все дело в распространенной привычке винить во всех бедах парвеню, дестабилизирующих социальную систему? Тем более, что если и была в обществе Старого порядка социальная мобильность, то пути ее вели именно через сферу финансов.

Слабость концепции Дессера — в отсутствии диахронического

³³ Dessert D. Op. cit. P. 318.

³⁴ Durand Y. Les fermiers généraux au XVIIIe siècle. P., 1971. P. 133—134.

взгляда на участие дворянства в финансировании государства. Кому более сродни гранды-финансисты — «деловому дворянству» XVIII в. или фаворитам-казнокрадам, скажем, эпохи религиозных войн? Возможно, этот вопрос выйдет за хронологические рамки исследования Дессера, но без ответа на него, хотя бы гипотетического, трудно судить о масштабе данного явления.

Итак, если факт активного участия некоторых представителей знати и высшего чиновничества в финансировании государства неопровержимо доказан Дессером, то распространенность этого явления остается проблематичной. Поскольку в силу секретности этой практики в распоряжении исследователя оказываются, как правило, лишь изолированные свидетельства, всякий документ, дающий представление о масштабе данного явления, приобретает особую ценность. Практически единственным таким документом, обнаруженным Дессером, является упомянутый перечень заемщиков Бонно и его партнеров, позволяющий судить о месте дворянства и чиновничества среди кредиторов финансистов. Нам представляется целесообразным обратить внимание на другой документ, хорошо известный исследователям, но недооцененный Дессером. Этот документ позволяет представить роль некоторых видов финансового предпринимательства в состояниях такой важной фракции французского высшего общества XVII в., как члены парижского парламента. Речь идет о так называемых «Портретах» парижских парламентариев³⁵.

Такого рода сборники персональных характеристик высшего чиновничества нередко и по разным поводам составлялись при Старом порядке. Рассматриваемый текст выделяется среди них большой подробностью и тщательностью составления. По-видимому, этот сборник был составлен или по крайней мере отредактирован для Людовика XIV в последние месяцы правления Мазарини или в самом начале личного правления короля. Каждая из 216 заметок содержит более или менее подробную характеристику личных качеств, родственных и деловых связей, а иногда и имущественного положения парламентария. Большое внимание уделено вопросу о рычагах воздействия на того или иного парламентария, что, вероятно, может служить доказательством наличия у составителя практической цели. Неизвестный автор в деталях знал среду магистратов и, по-видимому, имел доступ к финансовой документации.

Характеристики имущественного положения парламентариев обычно даются в документе в краткой обобщенной форме: например, «очень богат». Цифры появляются только в одном случае, — когда тот или иной магистрат располагает правами на государственные налоги, в первую очередь на эд. Тогда, как правило, приводятся точные цифры. Можно полагать, что этот вопрос был одним из наиболее важных пунктов анкеты, на которую отвечал

³⁵ Correspondance administrative sous le regne de Louis XIV/Ed. G. Deping. P., 1851. T. 2. P. 33–70.

автор «Портретов». Видимо, последний должен был собрать здесь по возможности исчерпывающие сведения. Причины такого интереса нетрудно понять: с конца 50-х годов по мере возвращения к условиям мирного времени перед правительством возникал вопрос о выкупе отчужденных налогов. Нет, конечно, гарантии, что данные источника абсолютно полны и точны. Но, очевидно, у автора были причины и возможности, чтобы постараться приблизиться к этому.

Среди 216 парламентариев в качестве получателей государственных доходов упомянуты 18 человек (8,3%). В списке лиц, владевших правами на эд, который Дессер составил на основании архивов финансового совета, значатся четверо из них. Других чиновников, занимавших посты в парламенте в те годы, в списке Дессера нет. В двух сопоставимых случаях данные Дессера и нашего источника относительно совпадают³⁶.

У трех человек из восемнадцати в «Портретах» отмечен только самый факт получения государственных доходов. У пятнадцати — указаны конкретные цифры, причем у двоих с оговоркой о неполноте данных. Подсчитать на основании этих сведений общие цифры можно очень приблизительно, поскольку не во всех случаях ясно, о чем идет речь — о доходе или о капитале³⁷. Десять парламентариев из восемнадцати являлись президентами, двое — президентами палат, шесть — советниками. У политически влиятельных президентов указаны исключительно крупные суммы: первого президента Ламуаньона (26 тыс. ливров), будущего первого президента Новьона (57 тыс.), бывших сюринтендантов финансов Байеля (38 тыс.) и Лонгейля (21 тыс. ливров)³⁸. Напротив, суммы, получаемые советниками, в трех из пяти известных случаев выражаются несколькими сотнями

³⁶ По Дессеру, в апреле 1661 г. президент Байель имел долю в эд Санлиса и Компьяня, которые вместе стоили 290 тыс. (см.: *Dessert D. Op. cit.* P. 372–73). Автор «Портретов» говорит о получении Байелем эд с Санлиса на 38 тыс. Президент Новьон в сентябре 1659 г. получал, по Дессеру, эд Фекампа, Крени и Арка на 60 тыс., помимо эд Арфлера и Сен-Ромена на 51 тыс., а по данным нашего источника — эд Арка, Фекампа и Монвилле на 47 тыс. и эд Сен-Дени на 10 тыс. Дессер не указывает, к какому времени относятся его данные о доходах президента де Мема (48,6 тыс.), расходящиеся со сведениями «Портретов» (4 тыс., но, возможно, речь идет о доходе), а о доходах от эд президента Лекуанье ни один источник не дает цифр. По-видимому, в большинстве случаев цифры восходят к довольно приблизительным оценкам королевских комиссаров по выкупу отчужденных налогов. Различия могут объясняться также и тем, что некоторые налоги за 2–3 года могли быть выкуплены или обменены государством.

В случае с первым президентом Ламуаньоном оговорено, что речь идет о капитале (26 тыс.), в случае с президентом Третьей палаты расследований Фурси, — что о доходе (400 ливров). Видимо, и другие суммы из нескольких десятков тысяч означают капитал, а из нескольких сот — доход. Неясно, куда отнести суммы в 2–4 тыс. ливров.

³⁸ Что касается президента де Мема, то он был младшим братом и наследником покойного графа д'Аво, видного дипломата, занимавшего в период Фронды пост сюринтенданта финансов.

ливров. К этой группе примыкает и президент Портайль, бывший фрондер, отстраненный от исполнения своих обязанностей и, судя по его «портрету», не пользовавшийся влиянием. По-видимому, реалистична приблизительная оценка прав 18 парламентариев на коронные доходы в 450—500 тыс. ливров капитала и 30—35 тыс. дохода. Это немного, если учесть, что в 1660 генеральные откупщики эд внесли в центральное казначейство более 4,5 млн ливров³⁹.

Какое место поступления от отчужденных королевских налогов занимали в составе доходов их получателей? Полумиллионные состояния не были редкостью в среде парламентариев XVII в., а богатства президентов нередко значительно превышали эту сумму. Это соответствовало годовому доходу минимум в 25—30 тыс. ливров. Ясно, что только действительно крупные суммы, выражавшиеся во многих десятках тысяч ливров, представляли существенный интерес для парламентариев. Несколько сот ливров были весьма второстепенной статьёй их доходов. Следовательно, только узкая кучка парламентариев, в первую очередь политически активные и располагавшие связями в правительственных кругах президенты, имела значительные права на королевские доходы — и это в один из наиболее драматических периодов финансовой истории монархии.

Мы далеки от мысли приписывать нашему источнику решающее значение для выяснения вопроса. Он дает представление лишь об одной фракции элиты и лишь об одной форме финансового предпринимательства. Но этот источник не подтверждает выводов Дессера о широком участии высшего чиновничества в финансировании государства. Как и собранные самим Дессером факты, он скорее свидетельствует о том, что активное участие в финансовых махинациях было уделом только некоторой части высшего общества, сравнительно узкого круга лиц, которые по тем или иным причинам получили возможность (или выказали желание) «добраться» до государственных доходов. Другие же, из-за недостатка связей или решительности, а возможно, и по моральным соображениям, не стали пускаться в это не слишком спокойное предприятие, предпочитая более надежные виды вложения капитала. По-видимому, участие в кредитовании государства было лишь одной из многообразных форм взаимосвязи государства и элиты во Франции XVII в. Значение его ни в коем случае не следует принижать, но в нем нельзя искать и универсальный ключ к решению проблемы власти при абсолютизме.

³⁹ *Bonney R. Op. cit. P. 314.*